

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Владимира Панова «Габсбурги и Рюриковичи в раннее новое время: дипломатия и взаимный образ (1558–1598)», представленной к защите в Институте истории Южночешского университета Чешски-Будеёвицы.

Диссертация Владимира Панова является серьезное научное исследование, отражающее результаты крупных научных изысканий. Её объем в 267 страниц со списком использованных источников и литературы, превышающим 300 номинаций, вполне соответствует требованиям к работам подобного рода.

Не вызывает сомнения актуальность избранной автором темы. Вплоть до последних лет при всем весьма значительном внимании к аспектам международных отношений Московской Руси с соседними державами и Домом Габсбургов до сих пор присутствовали заметные лакуны и своеобразный перекосяк в исследовательских интересах. Весьма добротнo изучена фаза становления имперско-московских контактов эпохи Максимилиана I, досконально исследована едва ли не каждое слово в знаменитых «Записках» барона Герберштейна. Но далее следует целый отрезок, обнимающий вторую половину XVI в., где эти отношения освещены лишь мерцающим светом.

Имеются отдельные штудии представителей старой и новой школы российских и европейских историков, присутствует внимание к отдельным событиям, как, например, к визиту царских посланцев в Регенсбург в 1576 г., но свежего, цельного взгляда не имеется до сих пор. Необходимость новых исследований диктуется и новым углом зрения, связанным с развитием историко-антропологического направления в современной исторической науке. Насколько сильно и каким образом посольства Москвы в Империю и обратные миссии имперских уполномоченных помогают нам прочесть культурный код восприятия «другого» в начале нового времени? Какие принципы, основанные на социо-культурной идентичности, лежали в основе подобного восприятия? Как их следует структурировать? Сегодня на смену политической истории внешних контактов пришел гораздо более широкий цивилизационный подход.

В этом смысле задача, поставленная перед диссертантом, выглядела весьма сложной. Необходимо было показать и широту собственных знаний в области современной методологии исторической науки и продемонстрировать надлежащее умение работать с источниками. Кроме того, часто авторам, сопоставляющим разные региональные и даже цивилизационные модели

организации власти и общества, не хватает глубоких познаний в деталях и взгляд подчас оказывается поверхностным. Помимо этого, разворот в сторону изучения символики и ритуала, требует хорошего владения принципами структурного анализа, обширных познаний в области исторической психологии и умелого применения теоретических конструктов к конкретным историческим реалиям. Далекое не всегда удается соблюсти весьма тонкий баланс между желанием чисто теоретического дискурса и тщательной анатомией самих источников. Иными словами, сделать все, чтобы конкретный исторический материал не стал жертвой чисто абстрактных социо-культурных постулатов.

Работа Владимира Панова, по нашему мнению, сумела избежать подобного рода недостатков. Перед нами труд профессионального историка. Он выполнен в актуальном ключе исследования политических явлений сквозь призму современных историографических концепций.

Нелегко было соединить две главные составляющие работы: фактическую анатомию событий с изучением их смысловой нагрузки. Обе половины потребовали самостоятельного и тщательного анализа литературы и источников. В этой связи **главная цель работы** - представить дипломатические контакты двух правящих домов зеркалом социо-культурных воззрений и сквозь их специфику дешифровать своего рода цивилизационную точку зрения контрагентов на столь обширном материале - выглядит новаторской и оригинальной. Кроме нескольких очерков наших коллег К.Ю. Ерусалимского, И. Шварц или М.А. Бойцова, посвященных лишь отдельным сюжетам, цельного охвата до сих пор нет.

Историографический раздел, занимающий почти 30 страниц, один из самых удачных в работе Владимира Панова. Автор здесь демонстрирует хорошее знание общих историсофских основ развития исторической науки и справедливо отмечает давление политико-государственных ориентиров на российских и немецких (австрийских) историков XIX – начала XX в. С одной стороны тогда вводились в оборот до той поры неопубликованные источники, как, например, документы Посольского приказа в рамках масштабного издания «Памятников дипломатических сношений России». С другой, их данные незамедлительно упаковывались в жесткие формы национал-государственных пристрастий и предпочтений, часто на злобу дня, как, например, знаменитый труд Х. Юберсбергера, написанные под впечатлением еще не совсем остывшей дружбы Романовых и Габсбургов в XIX в. Или воззрения «русского Ранке» С. М. Соловьева, видевшего в международной активности Москвы стадии ее государственного роста. Справедливо автор отметил и вклад петербургского

историка Г.В. Форстена, основоположника российского скандиноведения, в изучения поставленной проблемы. Г.В.Форстен был одним из первых, кто вывел «ливонский вопрос» за рамки узкорегionalного сюжета, связав его с общим положением дел в Восточной Европе, в том числе с политическими интересами Дома Габсбургов. Обоснованно, хотя и местами слишком лаконично, характеризуется своего рода «Ренессанс» в области изучения международного положения Московской Руси в Советской России после Второй мировой войны, на волне сталинского «неонационализма», следы которого ощущаются по некоторым аспектам до сих пор. Здесь можно было бы лишь пожелать автору подкрепить свои характеристики прямым цитированием рассматриваемых работ хотя бы в сносках.

Весьма добротнo представлена **критика источников**. Владимиру Панову удалось систематизировать и обработать основную часть неопубликованных и уже изданных документов. Новое прочтение, казалось бы, хорошо известных текстов формирует одну из самых сильных сторон исследования, в лучших традициях академической науки. Именно тщательное изучение оригинальных источников позволяет, в конце концов, развернуть масштабную панораму переосмысления сложившихся в науке представлений о дипломатических контактах между Москвой и Габсбургами второй половины XVI в.

Структура работы соответствует поставленным задачам, в целом логична, лишена внутренней рыхлости, а отдельные параграфы выступают завершенными, самостоятельными очерками в рамках общего исследовательского замысла. Наиболее удачно экспонируется материал второй части работы, там где речь идет о структуре и смысловом содержании практики дипломатических контактов, отдельных частях церемониала встреч и их значения. В ней автор успешно использует классический подход: «от проблемы - к источнику и обобщениям». Совершенно оправданно в рамках заданной линии исследования Владимир Панов сосредотачивает основное внимание на переломе в практике дипломатических связей, который наметился под занавес правления Ивана Грозного, в конце 70-ых гг. XVI в. Посольство князя Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. и первые контакты, случившиеся уже в царствование Рудольфа II обозначали важные перемены, свидетельствовавшие о некотором «потеплении» в отношениях последних Рюриковичей и императоров Священной Римской Империи. Последующая их история в течении 90 ых гг. уже в годы правления царя Федора и регентства Годунова, равно как и в начале правления самого Бориса, при всей чисто политической малорезультативности, тем не менее указывала на неизбежность

перспективного сближения двух монархических домов по линии статусной легитимации. Именно этот аспект до сих пор выпадал из поля зрения российской историографии.

Выводы автора представляются в целом обоснованными и новаторскими. В отношении политических перспектив Владимир Панов справедливо указывает на эволюцию имперско-московских отношений на исходе XVI в. в сторону возведения своего рода «длинного моста» между державами, в полной мере сыгравшего свою роль уже после Петра Великого. Причем сближение шло не столько по линии обретения реальных и сиюминутных политических выгод, сколько в области взаимного статусного признания, легитимации титулов. В основе восприятия, тех опций, сквозь которые представители двух династий смотрели друг на друга, лежали прежде всего изначально серьезные социокультурные различия. В этом смысле, практика дипломатической традиции с московской стороны не претерпела с середины XVI в. существенных перемен, что автор хорошо показывает на примере ассортимента даров, где роль играли лишь объем и показная «состоятельность» московского двора. И, напротив, «дары» Габсбургов ближе к концу века демонстрируют все большую вариативность, вплоть до новейших технических инструментов. Выводы автора здесь основываются на тщательном изучении посольской традиции московских государей в домонгольскую и послемонгольскую эпоху. Одним из важных источников «различий» и, возможно, конфликтных ситуаций показана и разница в социальном статусе переговорщиков: если Габсбурги постоянно опирались на опытных, подчас титулованных дипломатов, хорошо информированных, то московский государь, особенно при Грозном использовал часто первый попавшийся материал в лице полуграмотных дворян, явно проигрывавших в медийном пространстве. Диссертант вполне обоснованно видит среди причин подобного различия влияние идей Ренессанса в Европе, особенно среди правительственных элит, когда модным становился интерес к «другим» культурам, народам и землям. Если путешественники в Москву в лице Герберштейна и Принца оставили весьма подробные письменные «впечатления» от увиденного, в которых пытались обозреть совокупность характеристик «другой страны» и «другого общества», то москвичи почти никак не реагировали на увиденное свыше положенного по обязанностям. Единственная, более или менее пространная анонимная «Повесть» 1614 г., хранящаяся в фондах Российской Национальной Библиотеки и воскрешающая события посольства 1576 г., нацелена лишь на одно: статусную легитимацию

московского государя за счет жесткой «модификации» образа «другого» в данном случае императора Максимилиана II.

Иное дело конфессиональный аспект: автор хорошо показывает его неоднозначность. С одной стороны, встречаются очевидные друг для друга «еретики», с другой - форма коммуникаций и даже редкие признания московских посланцев, выдают определенный вектор если не компромисса, то, по крайней мере, терпимости. Диссертант справедливо отмечает определенного рода парадокс конфессиональной эпохи: в условиях консолидации тридентского католицизма на Западе и, казалось бы, острого неприятия иноверчества на Москве, посланцы-католики отмечают глубокую внутреннюю религиозность подданных царя, иногда в смысловом контексте порицания поверхностного воцерковления соотечественников. Признания имперских резидентов в подобном ключе могут служить, пусть и опосредованным, но все же индикатором европейской конфессионализации.

Выскажем и ряд замечаний. Прежде всего термины. Автор объясняет употребление понятия «московит» или «московиты» в отношении представителей и подданных Рюриковичей как производных от исторической «Московии» в европейских источниках (С 14). Представляется, что при всей формальной историчности, он едва ли может быть избавлен от кавычек. Между тем в работе здесь путаница: «московиты» фигурируют то без кавычек (С.100-101, 107 др.), но иногда в единственном числе как элемент прямой источниковой рецепции в кавычках. Я бы все же предложил использовать вполне корректный вариант «московские подданные» или «представители Москвы», или же на худой конец «царские уполномоченные». Иначе, следуя историчности, нужно будет именовать и имперцев «цесарцами». Тем более, что рядом с «московитами» автор постоянно поминает и «имперцев» и «австрийцев», причем в конце работы все чаще фигурируют именно «австрийцы». О каких «австрийцах» может идти речь в XVI в.? Были подданные «Дома Габсбургов» или «Дома Австрии». Но не «австрийцы» в современном понимании, тем более, что некоторые ключевые фигуры имперских посольств даже формально не выступали ленниками австрийских княжеств.

Термин «потентат», постоянно встречающийся, следовало бы заменить на «правитель», во всяком случае, в русскоязычной традиции это смотрелось бы более убедительно.

Советовал бы отказаться и от чудовищного термина «грознаведение» (с. 29 сл.), совершенно корявого с точки зрения русского литературного языка. Отсылки же

на работы, употребляющие подобное словообразование, говорят лишь о слабой литературной культуре цитируемых историков. Лучше длинней, но ясней: «историография Ивана Грозного» или «Иван Грозный как историческая проблема».

Автор склонен именовать форму правления Ивана IV «абсолютной властью нового типа», причем с отсылкой только на известное сочинение Забелина (С. 227). Боюсь, одной сноской здесь ограничиться невозможно, и тезис следует развернуть, тем более среди российских историков существуют сегодня весьма различные точки зрения на характер правления грозного царя. Было ли оно «абсолютным» и в сравнении с чем?

Явно недостает несколько более подробных характеристик Максимилиана II и особенно Рудольфа II как правителей и персон, тем более что один из ключевых тезисов автора о перемене в отношении к титулярным притязаниям московского государя после 1576 г. как раз и связан с особенностями его поведения. Если для немецко-чешской историографии вопрос представляется, конечно же, хорошо изученным, то для русского читателя здесь следовало бы дать более подробный экскурс. Над этим нужно подумать, если диссертант в дальнейшем пожелает издать части своей работы в русскоязычных изданиях.

Относительно структуры: шестой раздел «Посольские пиры и корм» (с.143-161) было бы логичней вставить после нынешнего седьмого «Приезд дипломата...» (С.170-187). Картина выглядела бы в таком случае более цельно.

При исследовании дипломатических контактов Москвы времен регентства и царствования Бориса Годунова почему-то отсутствуют отсылки на работы Р.Г. Скрынникова (например, С.33), сегодня — одного из самых признанных знатоков эпохи. У Р.Г. Скрынникова дается пусть общая, но все же характеристика имперских сношений Москвы на рубеже веков.

Ссылаясь на известные записки Эриха Лассоты, автор пользуется старым русскоязычным изданием Ф. Бруна. Для работы с текстом источника было бы лучше использовать новейшее немецкое издание под редакцией Томаса Риса (2021)¹ Допущена и ошибка: Лассота, описывая Киев, имеет в виду под «царем» (Zahr Wolodimir) не Владимира Мономаха, как полагает диссертант (С. 216 прим. 843), но св. Владимира.

Кроме того, работу украсил бы и отдельный подробный анализ современного иллюстративного материала, в частности знаменитой гравюры Петтерле с

¹ Kreuz und quer durch Europa. Von Krieg, Politik, Kultur und Religion. Das Tagebuch des habsburgischen Diplomaten und Landsknechtführers Erich Lassota von Steblau (1573-1594)/ hrsg. von Th. Riis. Kiel, 2021

изображением московского посольства в Регенсбурге 1576 г. именно как зеркала социо-культурного восприятия «другого». В диссертации она лишь бегло упомянута (С.126). Предложил бы добавить и биографические справки по ключевым действующим лицам имперской и московской дипломатии. Ясно, что это потребовало бы дополнительных усилий, тем более, что в ряде случаев пришлось бы столкнуться с большими фактическими лакунами. Но вывести персонажи из темных подвалов подстрочников и обозначить круг проблем вокруг их жизненного пути представляется интересным и продуктивным.

Тем не менее все высказанные замечания не колеблют общего, весьма благоприятного впечатления о диссертации Владимира Панова. Чувствуется и опытная, направляющая рука научного руководителя, профессора Вацлава Бужека, одного из ведущих и признанных специалистов эпохи.

Считаю, что диссертация Владимира Панова является законченным самостоятельным исследованием, успешно решающим актуальную научную задачу. Она соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, заслуживает весьма высокой оценки и быть защищенной.

Доктор исторических наук,
профессор Института истории Санкт Петербургского государственного
университета

(А.Ю. Прокопьев)